РУССКИЕ ЛИНГВОСПЕЦИФИЧНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ КОРПУСАХ: ВОЗМОЖНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ И «ПОДВОДНЫЕ КАМНИ»[1]

Шмелев А. Д. (shmelev.alexei@gmail.com)

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия

Ключевые слова: перевод, параллельный корпус, лексическая единица, семантическое различие, лингвоспецифичность, «непереводимость»

RUSSIAN LANGUAGE-SPECIFIC LEXICAL UNITS IN PARALLEL CORPORA: PROSPECTS OF INVESTIGATION AND “PITFALLS”

Shmelev A. D. (shmelev.alexei@gmail.com)

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia;
Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The paper deals with language-specific lexical units as they appear in parallel corpora and the degrees of linguistic specificity. It discusses new insights into the languages compared that parallel corpora can provide as well as various pitfalls on the way to an accurate account of typological and cultural differences and similarities.

In particular, it deals with Russian language-specific words, which defy translation into other languages. On the other hand, Russian language-specific words quite often appear in translations into Russian even though no exact equivalent exists in the language of the original text; special

[1] Статья написана при финансовой поддержке РФФИ (в рамках научно-исследовательского проекта РФФИ «Контрастивное корпусное исследование специфических черт семантической системы русского языка», проект № 13-06-00403 А).

attention is given to particles. The lack of such a particle where the communicative situation calls for it every so often gives the impression that we deal with a word-for-word translation of the original text containing no similar marker. In the absence of the relevant particle, the wrong implicatures may appear, or the text may cease to have coherence, or the utterance is perceived as a manifestation of arch use of language.

Key words: translation, parallel corpus, lexical unit, semantic difference, language specificity, “untranslatability”

1. Лингвоспецифичность и «переводимость»

Лингвоспецифичными называются явления, которые присутствуют не во всех языках мира; они противопоставляются явлениям, присутствующим во всех языках, или универсальным. Понятно, что установить лингвоспецифичность какого-либо языкового явления существенно проще, нежели установить универсальность: довольно привести пример хотя бы одного языка, в котором данное явление не имеет места (тогда как для доказательства универсальности, вообще говоря, следовало бы осуществить проверку по всем языкам мира). Поскольку для установления лингвоспецифичности достаточно сопоставления с каким-то одним языком, на практике таким сопоставлением иногда и ограничиваются. В то же время сопоставление с большим числом языков дает возможность дать количественную оценку лингвоспецифичности: чем больше языков, в которых данное явление отсутствует, тем более специфично оно для языка, в котором оно имеется.

Лингвоспецифичность лексических единиц (слов в конкретном лексическом значении и фразеологизмов) заключается в специфичности их содержательной стороны (включая коннотации, фоновые компоненты значения и т. д.). Тем самым появляется почва для другой разновидности количественной оценки лингвоспецифичности: чем более своеобразна семантическая конфигурация, кроящаяся за лексической единицей, тем более лингвоспецифичной она может считаться.

Поскольку лингвоспецифичность лексической единицы определяется отсутствием у нее семантического эквивалента в языке, с которым ведется сопоставление, лингвоспецифичность естественно связывается с «непереводимостью». К сожалению, само слово «непереводимость» может ввести в заблуждение и повести к недоразумениям. Как известно, объектом практического перевода является не отдельная лексическая единица, а тот или иной текст (в котором могут содержаться такие единицы). Если иметь в виду реальную переводческую практику, любой текст оказывается «переводимым» с той степенью точности и адекватности, которая диктуется целями перевода и способностями переводчика. Поэтому точнее говорить не о «непереводимости», а об отсутствии точного словарного эквивалента в языке, который служит объектом сопоставления. Чем выше степень лингвоспецифичности лексической единицы, т. е. чем более своеобразна содержащаяся в ней семантическая конфигурация, тем труднее найти для нее хотя бы приблизительный аналог в языке, с которым проводится сопоставление.

С этим связано то, что в реально существующих переводах для единиц с высокой степенью лингвоспецифичности часто предлагается значительное число переводных вариантов. В самом деле, если нет общепризнанного словарного аналога, выбор перевода обычно определяется специальным решением переводчика, опирающемся на его опыт, интуицию и знание обоих языков (языка оригинала и языка перевода); при этом решения обычно оказываются разными для разных контекстов или даже для одного и того же контекста у разных переводчиков. Только наивностью и непониманием сути дела можно объяснить утверждения, согласно которым то или иное слово не является лингвоспецифичным, поскольку для него в языке перевода обнаруживается множество переводных «эквивалентов»[2]; напротив того, именно обилие «эквивалентов» (а вернее — неточных аналогов) является надежным свидетельством лингвоспецифичности.

На основе сказанного возникает идея введения еще одного параметра количественной оценки лингвоспецифичности: чем более разнообразны переводы лексической единицы в реально существующих переводных текстах, тем выше ее лингвоспецифичность. Для оценки лингвоспецифичности по данному параметру можно опираться на данные какого-либо параллельного корпуса.

Однако здесь следует считаться с тем, что не всегда лингвоспецифичность ведет к разбросу переводов. Во-первых, есть заведомо лингвоспецифичные единицы, которые при переводе обычно вообще опускаются. Так, едва ли подлежит сомнению лингвоспецифичность русской частицы *же*, которую переводчики чаще всего просто опускают. В частности, это касается подавляющего большинства примеров использования этой единицы в оригинальных русских текстах, вошедших в параллельный английский подкорпус «Национального корпуса русского языка» (далее — НКРЯ)[3]. Приведем несколько характерных примеров[4]:

> — И что же, по вашему мнению, является самым важным открытием за все эти тринадцать лет? [А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Пикник на обочине (1971)] — “And what, in your opinion, has been the most important discovery in these thirty years?” [Arkady Strugatsky, Boris Strugatsky. Roadside Picnic (Antonina W. Bouis, 1977)]

---

[2] Так, мне встретились подобные утверждения, отрицающие лингвоспецифичность русских слов *пошлость* и *авось*. Лингвоспецифичность прилагательного *пошлый* отвергалась на том основании, что для него «подобрать эквивалент в рамках текста переводчику несложно» (предлагались такие слова, как *kitschig*, *ordinär*, *anzüglich*, *schlüpfrig*, *vulgär*). Аргументация относительно слова *авось* была сходной: говорилось, что «gресловутый “русский авось” переводится самыми разными способами: *auf gut Gück*, *wenn was ist*, *für den Fall der Fälle*, *aufs Geratewohl*, *ins Blaue hinein*, *planlos*, *ohne Plan*, *auf Gutdünken* Идея “авося” в немецком дискурсе частотна чрезвычайно». Разбор этих и подобных утверждений содержится в моей статье [Шмелев 2014].

[3] Разумеется, следует отсеять все примеры использования этой частицы в качестве показателя тождества (т. е. в таких сочетаниях, как *тот же*, *такой же* и т. п.).

[4] Здесь и далее в целях экономии места опускаются указания на название произведения, года его создания, год создания перевода. Указываются лишь авторы и переводчики.

Здорово, — он мне говорит. — Тебя, — говорит, — рыжий, по всему институту ищут… Тут я его так вежливенько прерываю: — Я тебе не рыжий, — говорю. — Ты мне в приятели не набивайся, шведская оглобля. — Господи, рыжий! — Говорит он в изумлении. — Да тебя же все так зовут. [А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Пикник на обочине (1971)]

— "Fine thing," he said to me. "They're looking for you all over the institute, Red." I interrupted him right there, polite-like. "I'm not Red to you," I said. "Don't try that palsy-walsy stuff on me, you Swedish dolt." "God, Red! Everybody calls you that." [Arkady Strugatsky, Boris Strugatsky. Roadside Picnic (Antonina W. Bouis, 1977)][5]

Куда же мне уходить? [Н. Н. Носов. Приключения Незнайки и его друзей (1953–1954)] — "Where shall I go?" [Nikolay Nosov. The Adventures of Dunno and his Friends (Margaret Wettlin, 1950)]

Необходимо добавить, что на поэта иностранец с первых же слов произвел отвратительное впечатление, а Берлиозу скорее понравился… [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)] — It must be added that from his first words the foreigner made a repellent impression on the poet, but Berlioz rather liked him… [Mikhail Bulgakov. Master and Margarita (Richard Pevear, Larissa Volokhonsky, 1979)]

Кроме того, для многих лингвоспецифичных слов имеется принятый переводческий «эквивалент», который, не будучи семантически тождествен исходному слову, используется в подавляющем большинстве практических переводов. Скажем, выражения *утречком*, *с утра*, *под утро*, *поутру*, *под утро*[6] вполне успешно переводятся на английский язык выражением *in the morning*. Некоторая дополнительная информация, содержащаяся в данных выражениях, обычно не учитывается переводчиками (или предполагается восстанавливаемой из контекста), напр.:

с утра еще сделав себе расписание дня [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)] — when mentally sketching out the day in the morning [Leo Tolstoy. Anna Karenina (Constance Garnett, 1911)]

30 сентября показалось с утра солнце [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)] — On the 30th of September the sun came out in the morning [Leo Tolstoy. Anna Karenina (Constance Garnett, 1911)]

---

[5] Обращает на себя внимание, что переводчица, по-видимому, приняла приветствие *Здоро́во* за утверждение *Здо́рово* 'очень хорошо'.

[6] Эти выражения рассматриваются в нашей статье [Зализняк, Шмелев 1997].

Анна с утра оживленно принялась за приготовление к отъезду. [Л. Н. Толстой. Анна Каренина (1878)] — Anna set eagerly to work in the morning preparing for their departure. [Leo Tolstoy. Anna Karenina (Constance Garnett, 1911)]

— Утречком поехали бы, разлюбезное дело, — подтверждал старик. [Л. Н. Толстой. Хозяин и работник (1895)] — 'You could go on in the morning and it would be pleasanter,' said the old man, confirming what his wife had said. [Leo Tolstoy. Master and Man (Louise and Aylmer Maude, 1911)]

С утра шел тихий, без ветра, теплый дождичек, висевший капельками на листьях, на сучьях, на траве... [Л. Н. Толстой. Воскресение (1899)] — There was no wind; a soft warm rain had begun falling in the morning, and hung in drops on leaves, twigs, and grass.... [Leo Tolstoy. The Awakening (William E. Smith, 1900)]

В этот день, последний его пребывания в Петербурге,… он с утра поехал на Васильевский остров к Шустовой. [Л. Н. Толстой. Воскресение (1899)] — ...On that, his last day in Petersburg, he went in the morning to the Vasilievski Ostrov to see Shustova. [Leo Tolstoy. The Awakening (William E. Smith, 1900)]

Судить начали с утра, а к ночи вынесли такое решение: сослать ее в каторгу в Сибирь на 13 лет..... [А. П. Чехов. Бабы (1891)] — The trial began in the morning… and towards night they passed this sentence: to send her to hard labour in Siberia for thirteen years. [Anton Chekhov. Peasant Wives (Constance Garnett, 1900–1930)]

Под утро надо было идти в церковь к утрене. [А. П. Чехов. Сапожник и нечистая сила (1888)] — In the morning he had to go to church to matins. [Anton Chekhov. The Shoemaker and the Devil (Constance Garnett, 1900–1930)]

Она приходила ко мне каждый день, а ждать ее я начинал с утра. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940) — 'She used to come to me every afternoon, but I would begin waiting for her in the morning.' [Mikhail Bulgakov. Master and Margarita (Richard Pevear, Larissa Volokhonsky, 1979)]

Что за дом у нас такой! И этот с утра пьяный. [М. А. Булгаков]. Мастер и Маргарита (1929–1940) — 'What a house we've got… Here's this one drunk in the morning…' [Mikhail Bulgakov. Master and Margarita (Richard Pevear, Larissa Volokhonsky, 1979)]

> — Ну, Киса, — заметил Остап, — придется с утра сесть за работу. [И. А. Ильф, Е. П. Петров. Двенадцать стульев (1927)] — “Well, Pussy,” declared Ostap, “we’ll have to get down to work in the morning.” [Ilya Ilf, Evgeny Petrov. The Twelve Chairs (John Richardson, 1961)]

Тем самым невозможно прямолинейное использование измерения лингвоспецифичности, основанное на разбросе переводов. Однако остается в силе общая закономерность: разнообразие переводов лексической единицы часто свидетельствует о том, что есть основания считать ее лингвоспецифичной.

2. Лингвоспецифичные слова в параллельном корпусе: возможности и ограничения

Если мы будем ориентироваться на реально встретившиеся переводы лингвоспецифичных слов языка оригинала, мы неизбежно столкнемся еще с рядом трудностей.

Прежде всего, мы должны считаться с неизбежной на данном этапе ограниченностью объема параллельных корпусов. Утверждения, которые делаются на основании этого ограниченного объема, с большой долей вероятности опровергаются при использовании параллельного корпуса большего объема.

Так, в интересном исследовании [Добровольский 2009] отмечается, что ни в одном из контекстов с обращением *брат* или *братец*, зафиксированных в русско-английском подкорпусе НКРЯ, буквальный перевод не встретился. На этом основании высказывается предположение, что «употребление слова *brother* в качестве обращения (когда адресат не является братом говорящего или членом монашеского ордена), видимо, воспринимается как полное нарушение коммуникативной нормы». При этом отмечается, что «это предположение нуждается в дальнейшей проверке» [Добровольский 2009: 398].

Вообще говоря, и без дополнительной проверки это предположение вызывает сомнения, поскольку в английском языке существует распространенное в некоторых социальных слоях обращение *bro* (сокращенное *brother*), а также архаизующее *brethren*; более того в оригинальных англоязычных текстах легко можно обнаружить обращение *brother* к лицам, не являющимся братом говорящего или членом монашеского ордена. Заметим, что с момента написания статьи [Добровольский 2009] объем английского подкорпуса НКРЯ существенно увеличился, так что теперь легко обнаруживаются примеры, в которых обращения *брат* или *братец* переведены как *brother*, напр.:

> Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства. [Н. В. Гоголь. Тарас Бульба (1842)] — But the very meanest of these vile men, whoever he may be, given over though he be to vileness and slavishness, even he, brothers, has some grains of Russian feeling. [Nikolay Gogol. Taras Bulba (Isabel F. Hapgood, 1886)]

Пришел Михеев, послушал их речи и говорит: — Грех вы, братцы, великий задумали. [Л. Н. Толстой. Свечка (1885)] — “Brethren,” said he, “you are contemplating a grievous sin.” [Leo Tolstoy. The Candle (Louise and Aylmer Maude, 1911)]

— Здравствуйте, братцы! — сказал он. [А. П. Чехов. Новая дача (1898)] — “Good-day, brothers,” he said. [Anton Chekhov. The New Villa (Constance Garnett, 1900-1930)]

Пристав поднял глаза на Осипа и спросил: — Почему же это, братец? [А. П. Чехов. Мужики (1897)] — The police inspector raised his eyes to Osip and asked: “Why is this, brother?” [Anton Chekhov. Peasants (Constance Garnett, 1900–1930)]

Я, братцы православные, знаю закон. [А. П. Чехов. Мечты (1886)] — I know the law, Christian brothers. [Anton Chekhov. Dreams (Constance Garnett, 1900–1930)]

Иван Николаевич поднял свечу и вскричал: — Братья по литературе! [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)] — Here Ivan Nikolaevich raised the candle and cried out: ‘Brethren in literature!’ [Mikhail Bulgakov. Master and Margarita (Richard Pevear , Larissa Volokhonsky, 1979)]

Но дело не только и не столько в уточнении сделанного предположения. Самое беглое рассмотрение переводов русских лингвоспецифичных обращений *брат*, *братец* и *браток* на английский язык даже на том ограниченном материале, который нам предоставляет НКРЯ, позволяет видеть, сколь велика роль индивидуальных предпочтений переводчика. Некоторые переводчики предпочитают переводить обращение *братец* как *brother*, некоторые — последовательно переводят его как *my friend*, и эти предпочтения, по-видимому, оказываются более существенными, чем любые другие факторы, которые могут повлиять на выбор переводного эквивалента. При этом основанием для переводческого решения «могут оказаться поверхностное понимание, влияние переводных словарей или даже желание придать тексту перевода некоторый налет „иностранности“, чтобы текст воспринимался именно как перевод» [Михайлов 2005: 381]. Поэтому, когда русский язык выступает в качестве языка оригинала, данные параллельного корпуса дают нам заведомо недостаточную информацию о семантических особенностях русских лингвоспецифичных лексических единиц.

С другой стороны, параллельный корпус может дать весьма ценные данные при рассмотрении лингвоспецифичных слов в языке перевода. Применительно к русским лингвоспецифичным словам это означает, что для проникновения в семантические секреты русских лингвоспецифичных слов более показательным может оказаться анализ переводов не с русского языка, а на русский язык. В самом деле, если лингвоспецифичное слово появляется в переводе,

закономерным оказывается вопрос, какие особенности оригинала побуждают переводчика употребить это слово.

В статье [Levontina, Shmelev 2005] мы иллюстрировали похожее соображение на материале русской частицы *еще* в некотором особом типе употребления. Мы отметили, что фраза Терминатора *I'll be back* естественно может быть переведена на русский язык как *Я еще вернусь* (а не просто *Я вернусь*) и попытались описать условия появления частицы *еще* в контекстах такого рода.

Можно привести похожий пример. В книге Лео Ростена *The Joys of Yiddish* приводится следующая история:

> Mr. Sokoloff has had dinner for twenty years in the same restaurant on the Second Avenue. This evening, as always, he orders bouillon. The waiter brings it, and wants to go back, but Mr. Sokoloff addresses him: "Waiter!" — "Yes, please?" — "Be so kind to taste this soup." — "But Mr. Sokoloff, you have come here for twenty years and you have never complained." — "Please", repeats Mr. Sokoloff obstinately, "taste this soup." — "But what is the matter, Mr. Sokoloff?" — "Please taste it." — "All right", the waiter says. "But… a moment. Where is the spoon?" — *"Aha!",* says Mr. Sokoloff.

Почти все, кто прочел эту историю и хочет рассказать ее на русском языке, передают последние фразы официанта следующим образом: *Но… минуточку. Где же ложка?* Частица *же* почти неизбежно появляется в переводе, и возникает вопрос, какие особенности оригинала заставляют ее использовать. Ответ на этот вопрос позволяет приблизиться к пониманию условий употребления частицы *же* в русском языке.

Анализ появления лингвоспецифичных слов в русском переводе может использоваться как средство проверки их семантического анализа. Так для частиц *разве* и *неужели* в работах [Булыгина, Шмелев 1982; 1987] было дано следующее описание:

- *Разве* ***p****?*
  - раньше я думал, что не ***p***
  - теперь я вижу или слышу нечто такое, что не может быть правдой если не ***p***
  - я хочу, чтобы ты сказал мне, ***p*** или не ***p***
- *Неужели* ***p****?*
  - я думал, что ***p*** невозможно
  - некоторые вещи заставляют меня думать, что, может быть, ***p***
  - я говорю тебе, что мне трудно поверить, что ***p***
  - я хочу, чтобы ты сказал мне, ***p*** или не ***p***

Материал английского подкорпуса НКРЯ подтверждает это описание:

> • The agent pulled the car to a stop and pointed between two fountains to a large door in the side of the pyramid. "There is the entrance. Good luck, monsieur." "You're not coming?" "My orders are to leave you here. I have

> other business to attend to.” [Dan Brown. The Da Vinci Code (2003)] — Агент остановил машину и указал на большую дверь в пирамиде между двух фонтанов. — Вход там. Желаю удачи, месье. — А вы разве не со мной? — Согласно приказу я должен оставить вас здесь. У меня есть другие дела. [Дэн Браун. Код Да Винчи (Н. Рейн, 2004)]

Мы имеем:

- ***p*** = ‘Агент не пойдет с Лэнгдоном’
- Лэнгдон думал, что агент пойдет с ним (т. е. что не ***p***)
- The agent said, “Good luck”, which implied that he was leaving (that is, not coming with Langdon)

В НКРЯ обнаруживается множество других примеров из НКРЯ, в которых в русском переводе употреблена частица *разве*, и все они укладываются в предложенное описание:

> “I was hoping you would be kind enough to explain to Ms.Neveu the true nature of the Holy Grail.” Teabing looked stunned. “She doesn’t know?” [Dan Brown. The Da Vinci Code (2003)] — Будьте столь добры, расскажите мисс Неве об истинной природе чаши Грааля. Тибинг изумился: — А разве она не знает? [Дэн Браун. Код Да Винчи (Н. Рейн, 2004)]

> …she calmly looked at him. “Detective Bosch, I am surprised to see you here.” “Why is that?” “Aren’t detectives supposed to be aloof, not get emotionally involved? Showing up at a funeral shows emotional attachment, don’t you think? Especially rainy-day funerals.” [Michael Connelly. City of Bones (2002)] — …она спокойно произнесла: — Детектив Босх, мне удивительно видеть вас здесь. — Почему же? — Разве детективам не положено быть равнодушными, эмоционально отстраненными? Появление на похоронах свидетельствует об эмоциональной причастности, вам не кажется? Особенно на похоронах в дождливый день. [Майкл Коннели. Город костей (Д. Вознякевич, 2006)]

> “Are you a seafood man or a cheese and dip man?” she asked as she held both trays out for his perusal. “Don’t you know?” he smiled. [Miranda Lee. Fugitive Bride (1998)] — Ты предпочитаешь морепродукты или сыр с ветчиной? — спросила она, протягивая ему оба подноса для выбора. — А ты разве не знаешь? — улыбнулся он в ответ. [Миранда Ли. В любви все средства хороши (М. Авдокушина, 2000)]

Частица *неужели* указывает на малую априорную вероятность *p* (с точки зрения говорящего), и примеры из НКРЯ подтверждают это (в них *неужели* в переводе используется в соответствии с выражениями *I can’t believe*, *Do you honestly think*, вопросами типа *Can it be…?* и т. п.)

“Oh my God, oh my God, I can’t believe this is happening! [Michael Connelly. City Of Bones (2002)] — О Господи, о Господи, неужели это происходит на самом деле? [Майкл Коннели. Город костей (Д. Вознякевич, 2006)]

Do you honestly think that all a woman wants from a marriage is material things?” [Miranda Lee. Fugitive Bride (1998)] — Неужели ты на самом деле думаешь, что все женщины выходят замуж ради материальной выгоды? [Миранда Ли. В любви все средства хороши (М. Авдокушина, 2000)]

Could there really be piles of wizard gold buried miles beneath them? [Joanne Kathleen Rowling. Harry Potter and the Sorcerer’s Stone (1997)] — Неужели правда, что прямо под ними зарыты груды волшебного золота? [Дж. К. Роулинг. Гарри Поттер и Волшебный камень (М. Спивак, 2001)]

“…you’re in Modern Magical History and The Rise and Fall of the Dark Arts and Great Wizarding Events of the Twentieth Century.” “Am I”? said Harry, feeling dazed. [Joanne Kathleen Rowling. Harry Potter and the Sorcerer’s Stone (1997)] — …про тебя есть в «Истории современной магии», и в «Расцвете и падении темных сил», и в «Великих волшебствах двадцатого века». —Неужели? удивился Гарри, чувствуя головокружение. [Дж. К. Роулинг. Гарри Поттер и Волшебный камень (М. Спивак, 2001)]

How can he expect me not to be excited when I have been longing for this for so long? [Helen Fielding. Bridget Jones’s Diary (1996)] — Неужели он думает, я не буду волноваться, когда я так долго ждала этого? [Хелен Филдинг. Дневник Бриджит Джонс (А. Москвичева, 2000)]

Can this be me? [Kurt Vonnegut. Hocus Pocus (1990)] — Неужели это я? [Курт Воннегут. Фокус-покус (М. Ковалева, 1993)]

“Whoever heard of nobody didn’t need any extra money?” I say. [Winston Groom. Forrest Gump (1986)] — Неужели есть такие люди, которым не нужны лишние деньги? — недоуменно спросил я. [Уинстон Грум. Форрест Гамп (Ю. Вейсберг, 2004)]

‘But that’s absurd! Hasn’t someone asked Mr. Wonka?’ ‘Nobody sees him any more.’ [Roald Dahl. Charlie and the Chocolate Factory (1964)] — Но это невероятно! Неужели никто до сих пор не спросил мистера Вонку? — С тех пор его никто не видел. [Роальд Даль. Чарли и шоколадная фабрика (М. Барон, Е. Барон, 1991)]

“Am I the first girl you’ve ever kissed?” [John Fowles. The Collector (1963)] — Неужели вы до меня ни с кем не целовались? [Джон Фаулз. Коллекционер (И. Бессмертная, 1991)]

Употребление частиц *разве* и *неужели* с отрицанием в целом в целом также вкладывается в предложенное описание. Возможно следующая детализация. Вопросы *Разве нет? Разве не так?* представляют собою не реакцию на высказывание собеседника, а своего рода tag questions. Их смысл — уточнить у собеседника, согласен ли он со сказанным. Вопрос *Неужели нет?* представляет собою типичный вопрос-реакцию. Его смысл — собеседник спросил о чем-то, что не вызывает у говорящего сомнения, и говорящий говорит: «Конечно! Как можно в этом сомневаться?»

Вопросы *Разве нет? Разве не так?* в переводах подтверждают предложенное описание: они служат переводами разнообразных tag questions.

> I think the world is better off with him gone. Don't you? [Sir Timothy Garden, Tom Donnelly et al. In the wake of Iraq ("NATO Review") [ABBYY LingvoPRO] (2003)] — …я думаю, что после того, как не стало Саддама, мир стал лучше. Разве не так? [Сэр Тимоти Гарден, Том Доннелли и др. После Ирака («Вестник НАТО») (2003)]

> I wish that France and the United Kingdom had waged a pre-emptive war on Hitler's Germany in the 1930s, instead of waiting to be attacked. Don't you? [Sir Timothy Garden, Tom Donnelly et al. In the wake of Iraq ("NATO Review") [ABBYY LingvoPRO] (2003)] — Жаль, что Франция и Великобритания не начали превентивную войну против гитлеровской Германии в тридцатые годы, а ждали, пока нападут на них. Разве не так? [Сэр Тимоти Гарден, Том Доннелли и др. После Ирака («Вестник НАТО») (2003)]

> "But," says Man, "The Babel fish is a dead giveaway, isn't it?" [Douglas Adams. The Hitchhker's Guide to the Galaxy (1978-1979)] — "Но, — отвечает ему Человек, Вавилонская рыба тебя выдает с головой, разве нет?" [Дуглас Адамс. Путеводитель хитч-хайкера по Галактике (Вадим Филиппов, 1995–1997)]

> "The planet's where I predicted it would be isn't it?" [Douglas Adams. The Hitchhker's Guide to the Galaxy (1978–1979)] — Планета находится там, где я сказал, разве нет? [Дуглас Адамс. Путеводитель хитч-хайкера по Галактике (Вадим Филиппов, 1995–1997)]

Вопрос *Неужели нет?* в переводах, представленных в НКРЯ, не встречается.

Русские лингвоспецифичные выражения *плюнуть/плевать* и *махнуть рукой* указывают на то, что безразличие субъекта. В соответствии с этим оборот *(мне) плевать* регулярно появляется в переводах в соответствии с английским *I don't care*, хотя о плевках в оригинале ничего не говорится, напр.:

> I don't care what you say about me, just spell my name right! [Dan Brown. Angels and Demons (2000)] — Мне плевать, что вы обо мне говорите, но только произносите мое имя без ошибок! [Дэн Браун. Ангелы и демоны (Г. Косов, 2004)]

I don't care if it's a guy or a dame. [Kurt Vonnegut. Slaughterhouse-Five or the Children's Crusade (1969)] — Мне плевать, юбка на нем или штаны. [Курт Воннегут. Бойня номер пять, или Крестовый поход детей (Р. Райт-Ковалева, 1978)]

I could not, no matter how impressive the doctors' names were or how many success stories she prattled on about, bring myself to care. [Lauren Weisberger. The Devil Wears Prada (2003)] — Мне было плевать, что она называет имена известных врачей и сообщает о чудесах похудания, — от всего этого следовало держаться подальше. [Лорен Вайсбергер. Дьявол носит Прада (М. Маяков, Т. Шабаева, 2006)]

В подавляющем большинстве примеров использования в переводе выражений *плюнуть/плевать* и *махнуть рукой* для указания на безразличие в оригинале ничего не говорилось ни о плевках и о жесте 'махнуть рукой':

Rémy didn't give a damn about the Grail, except that the Teacher refused to pay him until it was found. [Dan Brown. The Da Vinci Code (2003)] — Лично он, Реми, плевать хотел на этот Грааль, но Учитель сказал, что не заплатит ничего до тех пор, пока он не будет найден. [Дэн Браун. Код Да Винчи (Н. Рейн, 2004)]

…choose whatever combination pleases you and ignore the rest. [Dan Brown. The Da Vinci Code (2003)] — Любая комбинация, берите и проваливайте, на остальное плевать! [Дэн Браун. Код Да Винчи (Н. Рейн, 2004)]

She doesn't give a shit what you're doing. [Lauren Weisberger. The Devil Wears Prada (2003)] — Она плевать на тебя хотела. [Лорен Вайсбергер. Дьявол носит Прада (М. Маяков, Т. Шабаева, 2006)]

I'm betting she doesn't really care when it was scheduled for." [Lauren Weisberger. The Devil Wears Prada (2003)] — Могу поспорить, что ей плевать, на какой день вам было назначено. [Лорен Вайсбергер. Дьявол носит Прада (М. Маяков, Т. Шабаева, 2006)]

Books fell around him, fluttering into the darkness. He didn't care. Instinct for survival had long since overridden archival decorum. [Dan Brown. Angels and Demons (2000)] — На него сыпались книги, шелестя в темноте страницами. Но ему было плевать. Инстинкт самосохранения заставил его нарушить все правила поведения в архивах. [Дэн Браун. Ангелы и демоны (Г. Косов, 2004)]

What would it say about God if God had done nothing? That the Almighty did not care? [Dan Brown. Angels and Demons (2000)] — Что сказали бы люди о Боге, если бы тот промолчал? Что Всемогущему на все плевать? [Дэн Браун. Ангелы и демоны (Г. Косов, 2004)]

He didn't give a damn about the fencing. [J. D. Salinger. The Catcher in the Rye (1951)] — Плевать ему было на фехтованье. [Дж. Д. Сэлинджер. Над пропастью во ржи (Р. Райт-Ковалёва, 1965)]

I didn't give a damn how I looked. [J. D. Salinger. The Catcher in the Rye (1951)] — Плевать мне было, какой у меня вид. [Дж. Д. Сэлинджер. Над пропастью во ржи (Р. Райт-Ковалёва, 1965)]

I suppose he's no good to eat: she wouldn't worry about words from High Up. [J. R. R. Tolkien. The Lord of the Rings: The Two Towers (1954)] — Думаю, что он просто невкусный: Шелоб плюет на высочайшие приказы. [Дж. Р. Р. Толкин. Властелин колец: Две башни (М. Каменкович, В. Каррик, 1994)]

"…would it save you a lot of time if I just gave up and went mad now?" [Douglas Adams. The Hitchhker's Guide to the Galaxy (1978–1979)]

…много ли вашего времени я сэкономлю, если плюну на все, и сойду с ума прямо сейчас? [Дуглас Адамс. Путеводитель хитч-хайкера по Галактике (Вадим Филиппов, 1995-1997)]

He suspected they had done the most kidlike thing, …regardless of the consequences for them; they had given up and gone home. [Stephen King. Children of the Corn (1977)] — …не думая о последствиях: плюнули на все и вернулись домой. [Стивен Кинг. Дети кукурузы (С. Мануков, 1989)]

Supposing I got like the others-not caring. [William Golding. Lord of the Flies (1954)] — Ну вот возьму я и на все плюну. [Уильям Голдинг. Повелитель мух (Е. Суриц, 1985)]

Лишь в исключительных случаях (в НКРЯ был обнаружен один пример) выражение *махнуть рукой* соответствует аналогичному жесту безразличия, на который указывал оригинальный текст:

He waved a hand like it didn't matter to him, like nothing mattered. [Michael Connelly. City of Bones (2002)] — Делакруа махнул рукой так, словно для него это не имело значения, словно ничто не имело значения. [Майкл Коннели. Город костей (Д. Вознякевич, 2006)]

Мы видим, что лингвоспецифичные слова регулярно появляются в тексте перевода. Именно для таких случаев корпусная методика оказывается максимально эффективной. Появление таких слов, по-видимому, является неосознанным решением переводчика как носителя языка.

Напротив того, перевод лингвоспецифичных слов представляет собою задачу, которая, как правило, бывает отрефлектирована переводчиком. В этом отношении

ценным было бы создание корпуса особого типа, в основу которого был бы положен один и тот же текст, содержащий лингвоспецифичные слова и переведенный на иностранный язык множеством разных переводчиков и снабженный их комментариями для всех трудных случаев. В этом случае мы извлекали бы из корпуса данные не столько о спонтанной языковой деятельности носителей языка, сколько об их метаязыковой рефлексии, что для многих задач не менее ценно. Однако параллельный корпус такого рода, насколько я знаю, еще не создан.

Литература

1. *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Диалогические функции некоторых типов вопросительных предложений // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1982. Т. 41, № 4. С. 314–326.
2. *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* О семантике частиц *разве* и *неужели* // НТИ, 1987, № 10. С. 21–25.
3. *Добровольский Д. О.* Корпус параллельных текстов в исследовании культурно-специфичной лексики // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 383–401
4. *Зализняк Анна А., Шмелев А. Д.* Время суток и виды деятельности // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 229–240.
5. *Михайлов М. Н.* Частица и целое: к вопросу о поиске соответствий служебных слов в параллельном корпусе переводных текстов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог'2005» (Звенигород, 1–6 июня, 2005 г.). М., 2005. С. 377–381.
6. *Шмелев А. Д.* (2014) Язык и культура: есть ли точки соприкосновения? // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 1. Стр. 36–116.
7. *Levontina I., Shmelev A.* The particles one cannot do without // East—West Encounter: Second International Conference on Meaning ↔ Text Theory. Moscow, 2005. P. 258–267.

References

1. *Bulygina T. V., Shmelev A. D.* (1982) Dialogical functions of certain types of interrogative sentences [Dialogicheskie funktsii nekotorykh tipov voprositel'nykh predlozheniy], Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR, Series of Language and Literature [Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka], Vol. 41, 4, pp. 314–326.
2. *Bulygina T. V., Shmelev A. D.* (1987) On the semantics of the particles *razve* and *neuzheli* [O semantike chastits *razve* i *neuzheli*], Science and Technical Information [Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya], 10, pp. 21–25.
3. *Dobrovol'skiy D. O.* (2009) Parallel corpus in the investigation of culture specific lexicon [Korpus parallel'nykh tekstov v issledovanii kul'turno-spetsifichnoy

leksiki], Russian National Corpus: 2006–2008. New Results and Perspectives [Natsional'nyy korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novye rezul'taty i perspektivy], Nestor-Istoriya, S.-Petgersburg, pp. 383–401

4. *Levontina I., Shmelev A.* The particles one cannot do without // East—West Encounter: Second International Conference on Meaning ↔ Text Theory. Moscow, 2005. P. 258–267.
5. *Mikhaylov M. N.* (2005) The particle in the text: is it possible to check correspondences of functional words in parallel corpora [Chastitsa i tseloe: k voprosu o poiske sootvetstviy sluzhebnykh slov v parallel'nom korpuse perevodnykh tekstov], Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Proceedings of the International Conference "Dialog 2005" [Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoy konferentsii "Dialog'2005"] Moscow, pp. 377–381.
6. *Shmelev A. D.* (2014) Language and culture: do they have points of interaction? [Yazyk i kul'tura: est' li tochki soprikosnoveniya?], Proceedings of the V. V. Vinogradov Institute of Russian Language [Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova], 1, pp. 36–116.
7. *Zaliznyak Anna A., Shmelev A. D.* (1997) Time and Human Activities [Vremya sutok i vidy deyatel'nosti], Logical Analysis of Language. Language and Time [Logicheskiy analiz yazyka. Yazyk i vremya], Moscow, pp. 229–240.